ТАНЕЛОРН-1

Антология произведений
по мотивам творчества Майкла Муркока

Кёнигсберг
«Цитадель Хаоса»
2005

ТАНЕЛОРН-1

Антология произведений
по мотивам творчества Майкла Муркока

По материалам сайта «Танелорн»
(http://moorcock.narod.ru)

Кёнигсберг
«Цитадель Хаоса»
2005

Танелорн.
Антология произведений
по мотивам творчества Майкла Муркока /
«Цитадель Хаоса».
Ред./сост. Алый Лучник
(Fr. Nyarlathotep Otis, Роман Адрианов). —
Калининград: 2005.

По материалам сайта «Танелорн»
(http://moorcock.narod.ru)

Black Queen

ЭЛЬРИКУ...

Из сна в реальность пострашнее сна,
Из яви в дрёму яви вероятней,
Путём непостижимо необъятным
Туда, где снова ждёт его она.

Туда, где в тишине гудит струна,
Туда, где в темноте горит лампада,
Где в смеси райских мук с блаженством ада
Нет ничего: лишь он и лишь она.

На невозможном стыке чудных сфер,
Там, где секунда вечности длиннее,
Где солнца луч любой грозы чернее,
Где он сумеет мыслить без потерь...

И в радуге немыслимых цветов
Вновь обретёт забытую любовь.

Last Dragon

БАЛЛАДА О ГЕЙНОРЕ ОБРЕЧЁННОМ

В чёрный плащ облачённый,
а под шлемом оскал...
Ты Гейнор Обречённый,
ты боишься зеркал...

И твой конь утомлённый
чуть грызёт удила...
Кем иль чем обречён ты?
За какие дела?

Ты блуждаешь по свету,
приминая цветы,
Ты шагаешь по снегу,
и не тают следы...

Был ты проклят народом,
но плевать на народ,
И стекает с забрала
дождь, слеза или пот...

Пролетают столетья,
топчут старых богов,
Только ты остаёшься
с чередою веков...

Равновесье и Хаос
вновь столкнулись в бою,
Ты как прежде бессмертен,
ты как прежде в строю...

Где-то в чёрном пространстве
серый Лимб пустоты,

Одиночеством зоны,
оборотом мечты...

Мерит землю копытом
конь — летучая мышь...
«Сжалься, смерть, надо мною», —
ты молитву твердишь.

И в час сфер совмещенья,
а быть может, потом,
Тебя кто-то помянет
и укроет крестом...

БЫК И КОПЬЁ

Перевертень

Корум изучал по плачу зим урок:
то по реке-воле — человека ропот,
то потери шаги, ига шире топот.
Не сосите душу, дети сосен!
На вас лёд ангела лёг, надел саван,
и на льдах эпитафий — мифа тип, эха длани.
Морозу намутили боги иго, били туман узором.
До раны мизером — ада море, зимы народ.
Иди ж, иди!
Ах, ал плащ, ал! Плаха,
лат сталь.
Водись, рёв звонок! О, нов Зверь Сидов,
перечь туче! Миоре горят:
яро герои мечут череп!
Тур как гора, да рог как крут!
А гора на гулега: Саге Луга — на рога!
А ты поквитался: с лат и в копыта!
Не севером бел хлеб. Море вёсен.
— Вобью ль я, о, копьё покоя, любовь? —
— Лети, о Воитель!

Алый Лучник

ВРЕМЕНА МАХАКАЛЬПЫ

Льдом вековечным законов и правил
Скованы крылья пугливых ворон.
Я бы и брата в живых не оставил,
Чтоб Циморил разделила мой трон.

Осень. И листья упали на плечи,
Древнюю тайну войны обнажа.
Я бы и выкосил род человечий,
Чтобы остаться с тобой, Эрмижад.

Знойное солнце кристальных симметрий
Бабочкой бьётся в янтарном стогу.
Я б и разрушил Вселенную, Кэтрин,
Ради сплетения тел на снегу.

Времени тают последние крохи
В тёплых ладонях. Слова не ясны —
И обрываются на полувздохе
За полсекунды до вечной весны.

Алый Лучник

ГЕЙНОР УДАЛОЙ

Исполняется на мелодию песни И. Николаева «Младший лейтенант»

Гейнор удалой сидит, скучая,
Корума совсем не замечая,
Вылезать на бой ему сейчас ужасно лень.
Гейнор удалой — в плену Проклятья,
С девушкой бы мог сейчас гулять он,
Ну а он сидит один уже не первый день.

Гейнор удалой, рыцарь без лица,
Как Десятый Назгул без Кольца!
Если бы кто узнал, что твоя печаль
Тебе не по плечу!
Гейнор удалой, я же не дурак
Убивать тебя, хоть ты мне враг,
Ведь спасать тебя я от Проклятья не хочу!

Гейнор удалой — тяжёлый случай,
Для чего ты шлем свой нахлобучил?
Выйди и сразись! Но будто бы не слышит он.
Ты не Ксиомбарг, и слава Эру,
Тыщу лет спустя и ты, наверно,
Станешь понимать, что потерял свой Танелорн.

Гейнор удалой, рыцарь без лица,
Как Десятый Назгул без Кольца!
Если бы кто узнал, что твоя печаль
Тебе не по плечу!
Гейнор удалой, я же не дурак
Убивать тебя, хоть ты мне враг,
Ведь спасать тебя я от Проклятья не хочу!

Алый Лучник

НОВОРОЖДЁННЫЕ МЛАДЕНЦЫ НИЧЕГО НЕ СМЫСЛЯТ В МИРОВЫХ ПРОБЛЕМАХ

Трилогия-энтропия

За первую половину 20** года 86 человек так и не были найдены. 11 уголовных дел возбуждены по статье “Убийство”. По неопознанным трупам рассматривались 299 сообщений. Из них личность 53 не установлена. Трое были с признаками насильственной смерти — возбуждены уголовные дела.

Газета “Дворник”, 4-7 октября 2005 года

Выстрел первый

Дви**ЖЕ**ние **Р**аспада по кольцу.
инвариантность линии прогр**Е**сса.
р а с с р е д о т о ч и т ь
в полосе прибоя
причастность к неизбежно**М**у концу
мульт**И**вселенной.
несколько мгновений
гниени**Я**
бегущих по волнам
достанутся сполна
горам и лесу.
рас пад.
и брат на братабратабрат
АБРАКАДАБРА
Крики мёртвых чаек.
зак**О**ны энт**Р**опии **НЕ**избежны
в связи с термодинамикой процесса
мыс**Л**еваренИя зловещего добра
в жел**У**дке добродушного злодей**С**тва.

ДА БУДЕТ НЕБОСКЛОН НЕПРИМИРИМ!

Выстрел второй

поджаты лапы
впереди бросок
стремителен полёт
приятен запах
игольчато щетинится прицел
закона нет
свернувшись под осиной
в постели травяной
иудиным цветком
скончался век.
.....
О, исцели, Рогатый!

Выстрел третий

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
...А вкусный мир!
Ну, очень вкусный мир!..

Алый Лучник

ПЕСНЬ КУЛЛА

Когда отзвучат все песни, откроются Двери Ночи, Луна упадёт на Землю и Солнце во льду застынет, и белое станет чёрным, и Рог протрубит фламенко, и розовые фламинго поднимутся над болотом, мы вырвемся за пределы, мой брат, мой единственный брат.

Одна только Клятва: Весы Равновесья пусть примет старьёвщик в засаленной лавке. Не стоит гроша зацелованный крестик, затисканный томик с чужими псалмами: они тяготят быстрокрылую душу Рождённого Ползать. За этим пределом в прицелы взглянем на иные миры, любимый мой брат, мой единственный брат.

Спина к спине — и Миллионы Сфер не устоят от нашего напора. Тот Город, где стоял я много лет в плену собою данного мне слова — моя тюрьма, — стал мне дороже света, стал домом мне родным. Но я бездомен. Бездонен кладезь сердца Человека, — а нам, богам, скользить по древним тропам с Клинками Смерти в четырёх руках. Смотри же, брат! В расставленные сети не улови неведомую птицу — бескрылости своей не улови!

И там, на краю созвездий, на чёрном платке Вселенной, где нити Судьбы искрятся серебряными снегами, где клятву давали братья и бились, её нарушив, — мы сделаем шаг к Свободе, убив в своём сердце Бога, и плотью людской облечёмся, мой брат, мой любимый брат!

Алый Лучник

ПЕСНЬ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Издательству «ЭКСМО»
и новому переводу посвящается...

Под стеною Танелорна
Хаос войско собирает.
Между войском и Законом
гордо реет Буревестник,
чёрной молнии подобный.
То в ряды врагов врезаясь,
то друзей (чтоб было честно),
он кричит, и — небо слышит
звуки чисто русской речи.
В этом крике — столько мата,
что все Боги и Герои
от стыда сгорают дружно
под стеною Танелорна.
Хмурник бьётся лбом об стену
и рыдает, хоть бывал он
в переделках круче этой,
в переплётах хуже книжных.
Ариох рыдает тоже:
недоступно Ариоху
наслажденье этой битвой, —
Чёрный Меч его пугает.
Бледный Эльрик робко прячет
фигу жирную в кармане:
только б снова Буревестник,
разыгравшись не на шутку,
не пришил кого не надо!
Всё мрачнее смотрит Эльрик
на растущие громады —
горы трупов под ногами:
всё смешалось — люди, кони...
(нет, наверно, эта фраза —

из другой какой-то песни...)
Вот охватывает Эльрик
взглядом дикие просторы
и, бросаясь в дикой злобе
на прибрежные утёсы,
разбивается о камни
(нет, наверно, то был Корум)...
Буревестник с криком реет,
чёрной молнии подобный,
как стрела врагов пронзает
и друзей (чтоб не обидно).
Вот он носится, как демон, —
гордый, чёрный Демон Смерти, —
и смеётся, и рыдает...
Он над трупами рыдает,
он смеётся, ибо спятил.
В гневе грома, — чуткий демон, —
он давно усталость слышит,
он уверен, что не скроют
тучи солнца, — нет, не скроют!
Ветер воет... Гром грохочет...
Синим пламенем пылает
битва Хаоса с Законом:
слышишь брань над полем бранным
под стенами Танелорна?..
Точно огненные змеи,
вьются строчки, создавая
отраженье этой битвы.
— «ЭКСМО»! Скоро выйдет «ЭКСМО»!
Это смелый Буревестник
гордо реет между строчек
над ревущим гневно людом,
гордый новым переводом:
— Пусть скорее выйдет «ЭКСМО»!..

Алый Лучник

СОЛДАТ ТАНЕЛОРНА

Багровым закатом пожар
Крыла золотые расправил.
В пустыне не верь миражам:
Они могут сделаться явью.

Проклятье творителям норм,
Пристанище для непокорных...
Как важно найти Танелорн
Тому,
Кто рождён в Танелорне!

Властителей Хаоса — жечь!
Морозить — богов Поднебесья! —
Но прежде, чем Посох и Меч,
Разрушить Весы Равновесья.

Пронзительны стрелы и горн.
Пощады — ни Белым, ни Чёрным!
Как трудно найти Танелорн
Тому,
Кто рождён в Танелорне!

А после, устав от боёв,
Уже не мечтая об утре,
Доверчиво ткнуться в её
Пропахшие пламенем кудри

И в ночь под раскатами волн
У ног её пасть побеждённым...
Как сладко войти в Танелорн
Тому,
Кто рождён в Танелорне!

Алый Лучник

ТАНЕЛОРН

Здравствуй,
птица!
желание слиться
льётся
с лиц:
!!!Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!
только — тсс...
целовались
до рваных ран
на губах:
ни слова!
безмолвен
голос твоих ладоней.
с языка на язык
зыркают
огоньки
молчаливой строки
Танелорна.
перечёркнуты
чёрным
перья ресниц. И
снится
желание слиться
лицом к лицу.
в небеса унесло-
ва... ни слова... тсс!..
перья ресниц
бьются надрывом
в крыльях игривых
и гривах
львиц-небылиц.

!!!Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!

Здравствуй, птица! —
бесконечным повтором
непокорных моих танелорнов
бесшабашных волшебных башен —
как же?..
что же
я?..
заблудился
в сумерках Ехо
эхо...
эхо...
эхо...
даже в себя
не могу заглянуть
без смеха
эхо...
эхо...
эхо...
шумом кошачьих шагов
заплетаю
строки
и крыльев стрекот
в перья ресни-
тсс!..
снова —
ни слова, — тсс!..
пальцы
сплетаются
в сети.
все эти танцы —
к смерти,
к омуту —
все эти комнаты.
кто мы?..
задёрнуты шторы...
что же мы
прячемся шторма?

он
донесёт
к берегам Танелорна
нашу ладью
без вёсел...
Осень...
Помнишь,
о чём молчу,
опаснейшая из птиц?.. —
!!!Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!! —
но об этом —
тсс!..

Алый Лучник

ТАНЕЛОРН ДОЛЖЕН БЫТЬ...

я не останусь в долгу
не повернуть руки
птицы крыльями
лапами Волка
перьями на снегу
шерстью палёной
в клочья рвётся шкура
на траве зелёной
чёрт с ней
кровь на рукояти
и летят проклятья
по Дороге Чёрной

но Амбер должен быть разрушен
Валинор должен быть разрушен
Вавилон должен быть разрушен
Танелорн
должен быть...

Чёрным Мечом
Золотыми Драконами
к западу к ночи
по стенам по золоту
не обернуться
крылам опозоренным
тропами волчьими
Алыми Стрелами
в солнце
Хаос и Порядок
на Дороге рядом
а Дорога вьётся

но Амбер должен быть разрушен
Валинор должен быть разрушен
Вавилон должен быть разрушен
Танелорн
должен быть...

но Амбер должен быть разрушен
Валинор должен быть разрушен
Вавилон должен быть разрушен
Карфаген должен быть разрушен
Нуменор должен быть разрушен
Нарготронд должен быть разрушен
Эгладор должен быть разрушен
Сталинград должен быть разрушен
Корускант должен быть разрушен
Кёнигсберг должен быть разрушен
Петербург должен быть разрушен
Вашингтон должен быть разрушен
Танелорн
должен быть...

Ангэлен

СКАРСОУЛ

Короткий привал на пути в Танелорн —
Трубит сквозь пространства серебряный горн,
Твой жребий — всё так же жесток,
и судьба нелегка.
Седая Надежда на вечный покой
Сквозь пальцы в песок утекает рекой —
Как кровь восходящего Солнца
на гранях клинка...

Не счесть побеждённых врагов и миров,
Как прежде, сражаться и гибнуть готов —
Но смерть не заплатит твой Долг
по извечным счетам...
Вокруг — только холод и обсидиан,
Смертельным дуэтом — пурга и буран,
И колокол бьёт в тишине — по тебе или нам?

Холодная сталь жаждет крови врага —
Могилой не станут немые снега,
Идёшь за Победой — как шёл уже тысячи раз...
Восставший из ада принц Южного Льда,
Вернёшь миру Жизнь и уйдёшь без следа —
И Феникс расправит крыла —
но уже не для нас...

Вадим Румянцев

ПЕСЕНКА ГЕРОЯ,
или
ЧЁРНАЯ ХРОНИКА ДЕГРАДАЦИИ

Исполняется на мелодию песни «Агаты Кристи»
«Я на тебе, как на войне»

Я жил спокойно, поживал,
Надежды шефу подавал,
Тащился, слушая металл,
И вечер в пабе коротал.
Я книжки умные читал,
И по ночам спокойно спал,
И я не думал, не гадал,
Что вдруг в легенду я попал.
И засыпая, я не знал,
Что мой черёд уже настал.
Что ждёт меня народ другой,
Чтоб я повёл всех за собой.
Но вот разверзлись небеса,
И я услышал голоса.
Они во сне пришли за мной,
Сказали мне, что я герой.
Героем быть я не хотел,
Но только зло во сне сопел,
И, встав с больною головой,
Увидел я пейзаж чужой.
Мне поклонились до земли,
И в паланкине унесли.
А я сидел, крутя башкой,
И был конкретно никакой.
Моим фанатом был их царь,
Он говорил: давай, ударь!
Не сможет зло творить разбой,
Лишь повстречается с тобой!

И станет всё, как было встарь,
И дуб вернётся на алтарь.
Овен заблеет золотой,
И бык повысит свой удой.
О чём ещё он там болтал,
Я вскоре слушать перестал.
Но вдруг меня, раз я герой,
Потом отпустят в мир родной?
Решил несчастным я помочь,
И злую нечисть выгнать прочь.
Их план был, в общем, неплохой:
Дави врагов, пока живой.
Там дали мне мой рунный меч,
Поклялся я его беречь.
А может, вовсе он не мой?
А может, я — не тот герой?
Но меч мне на ухо шептал,
Чтоб я убитых не считал,
Чтоб всех врагов призвал на бой,
А он проткнёт их сам собой.
Я в первой битве победил,
И меч полезность подтвердил.
Ты хочешь в бой — ну, хрен с тобой,
Я кровью меч умою свой.
Врагов я многих порубил,
Но в их ловушку угодил.
Но я не сдамся на убой,
А кровью меч умою свой.
Когда врагов осталось пять,
То смог случайно я узнать,
Что победил не тот народ,
Не в ту страну пошёл в поход...
Таких «друзей» нельзя простить,
Я должен страшно отомстить.
Когда я вновь вернусь домой,
То кровью меч умою свой!

Раз я ещё пока живой,
То кровью меч умою свой.
Ещё живой, пока живой,
И кровью меч умою свой!
Искоренив другой народ,
Я прожил в этом мире год.
Но вскоре снова голоса
Творить решили чудеса.
Меня призвали в мир другой
Спасти народ — ведь я герой!
Опять война, опять живой,
И кровью меч умою свой!
Я кровью меч умою свой,
Их кровью меч умою свой!
Их кровью меч умою свой,
Я кровью меч умою свой!

РУННЫЙ КАСТЕТ

(*подражание М. Муркоку*)

1

Всё его тело было заковано в тяжёлую медь... у него было загорелое лицо, тоже практически медного цвета.

Граф Баттерфляй, Лорд-Предохранитель Комара, скакал ранним утром на своей великолепной гигантской козе, осматривая свои прекрасные владения. Он был весь закован в медные доспехи, его высокий красивый лоб тоже отсвечивал медью. Когда он доехал до первого КПП, небо уже потемнело («это скока же я скакал», — подумал Граф), и на его фоне виднелся силуэт постового в бронежилете. Хотя на Комар не было произведено ни одного нападения с тех пор, как граф заменил старого Предохранителя, существовала вероятность того, что боевики Чёрной Империи могут прорваться сюда в поисках заложников и наложников — войска Империи славились своими извращёнными вкусами, кое-кто счёл бы их преувеличенными, но Графу удалось на себе убедиться в их правдивости. Лица часового не было видно из-за чёрной маски. Сверху на нём был натянут тяжёлый кожаный плащ, наглухо застёгнутый (и на несколько размеров меньше, чем нужно). Он поднял правую руку в приветственном жесте (раздался резкий скрип кожи). Граф Баттерфляй поднял руку в ответ (раздался гулкий лязг металла).

— Всё спокойно в Комаре?

— В Комаре всё спокойно, милорд.

Часовой покрепче обхватил свой полосатый жезл в стиле рококо. Граф кивнул и поскакал домой. Во дворе замка его поджидала неожиданность в виде изящного экипажа, из которого как раз кто-то вылезал, цепляя причудливыми одеждами за причудливые детали отделки экипажа и страшно при этом ругаясь.

— Ааа, Барон Фил'я — произнёс Граф, спешиваясь — Что за дело могло привести столь могущественного дворянина Империи в наше захолустье?

Это действительно был печально известный Барон Фил'я. Он был одет в сверкающие голубые одежды (Граф знал, что это его любимый цвет...). Даже его усыпанная стеклярусом резиновая звериная маска была такого же цвета. Маска изображала оскаленную пасть бешенной дворняжки, в качестве глаз были использованы синие ёлочные шары.

— Приветствую знаменитого Графа Баттерфляя. Я — Барон Фил'я, Гранд Коп Ордена Бешеного Пса, Первый Генералиссимус Великого Короля-Императора Гурона...

— Мне известны ваши великие деяния («...и кое-какие мелкие делишки тоже», — подумал Граф)

— Заходите в мой скромный замок, не бойтесь этих моих слуг (— Брысь отсюда! Кто тронет моего гостя — башку оторву!), они нервничают, у нас так давно не было гостей («...по крайней мере, добровольных»). Знакомьтесь, это моя дочь Грызельда (— Гризли, дорогая, вынь палец изо рта! Тебе уже под тридцать, замуж пора!)

— Благодарю вас.

Красота дочери графа явно произвела впечатление на Барона, он даже попятился, похо-

же, желая рассмотреть Грызельдочку получше (...большое видится на расстоянии). Та улыбнулась и протянула милую пухленькую ручку, покрытую жёстким рыжим волосом, для поцелуя...

2

Барон хотел всё сразу...

Пленного держали в шикарном номере-люкс и кормили изысканными блюдами, смазливые служанки, совершенно обнажённые, окружали его со всех сторон, явно готовые исполнить любые прихоти Герцога, но тот был хмур, и не обращал на них ни малейшего внимания. Герцог Хобля считал, что его готовят для какой-то особенной пытки, и он не ошибся. Утром его отвели к Барону С'тепашке. Маска Безумного Кролика, закрывавшая лицо знаменитого учёного, имела, казалось, донельзя глупое выражение, но Герцог знал, что это ловушка. Барон отвёл его в небольшое, скудно освещённое помещение, 90% площади которого занимал странный аппарат, казалось, весь состоящий из переплетённых металлических трубочек. Герцога уложили на кушетку, и больше он ничего не помнил...

Когда Хобля очнулся, он сразу почувствовал непривычную теплоту и мягкость, овладевшую всем телом. В животе что-то давило изнутри.

— Что вы со мной сделали?

— Не волнуйтесь так... Я всего лишь заменил ваш желудок самогонным аппаратом. Теперь Вам, Герцог, всегда будет хорошо... но если Вы Нас предадите... — голос С'тепашки стал очень мягким и добрым, — он начнёт перерабатывать вашу кровь в сивушные масла, и скончаетесь в жутких муках от перманентного похмелья !

Герцог застонал, но тут же снова блаженно улыбнулся. Пока аппарат работал как надо.

3

И с этими словами он подстегнул своего козла...

— Так где же этот пресловутый Рунный Кастет? — спросил Хобля у мудреца, единственного, оставшегося в живых из отряда, уничтоженного Герцогом в припадке бешенной ненависти (которую, как он подозревал, вызывал дьявольский механизм у него в животе). Герцог понял, что этот человек — мудрец, потому что он единственный догадался убежать и спрятаться.

— А кто его знает... Может, в Азиа-Коммуниста, а может, и в Немецко-Фашиста — темнил мудрец, называя легендарные страны, само существование которых было под вопросом. Внезапно появились люди, явно представлявшие Чёрную Империю. Герцог глянул на них — и похолодел. Он узнал троих, скакавших к нему впереди остальных — это были наёмники из далёких, жутких стран — Абрагам Мышковец из Мусковии, Запитко Горилка из Укрании и сам Кучум Саидгирей из Крымии. В сердце и животе ёкнуло. Оглянувшись, Хобля понял, что остался один — мудрец снова проявил свою мудрость. Герцог покрепче сжал в руке свою любимую шестифутовую шпагу...

4

А затем началась резня...

Вскоре сражаться стало не с кем.

— Неплохо, неплохо — сказал Фил'я, косясь на штабель трупов. — Посмотрим, как ты справишься с этим — он что-то сделал с таинствен-

ной чёрной коробочкой, висевшей у него на поясе, и голову Герцога пронзила страшная боль. «Теперь аппарат буквально пьёт мою кровь», — успел подумать он и потерял сознание.

Когда он очнулся, то услышал яростный спор.

— А вот хрен ты выслужишься перед императором вскричал злорадно неизвестный, протыкая насквозь Фил'ю. Хобля посмотрел на своего освободителя... надежда покинула его. Перед ним стоял зловещий Гранд Коп ордена Кабана, печально известного своей жестокостью, сам Пятак Хр'юша. Его маска зловеще улыбалась в лучах заходящего солнца...

5

— О, клянусь Рунным Посохом, — проговорил Хокмун, едва ворочая языком, — какая во мне сила!

— ...Но как ты справился со всей моей армией!? — вскричал Хр'юша. Они с Хоблей были связаны и стояли перед безумным пророком Лениновичем.

— Я заставил их пе'ебить д'гуг д'гуга для своего собственного изв'гагщенного г'азвлечения, — ответил тот. — Вот так-то, батенька ! — Красный Омлет сверкал у него на груди. Хобля пытался вспомнить слова своего наставника — Чёрно-Белого Рыцаря. Получалось плохо — дьявольский аппарат у него в животе снова заработал, и похоже, с удвоенной производительностью.

— Найди Безумного Пророка, — велел Рыцарь, — Помни, Красный Омлет — твой! А если не отдаст — примени Силу !

Взгляд Хобли на короткое время стал осмысленным, он громко икнул и резко выдохнул на Лениновича. Тот как раз набирал воздуха для очередной речи, но, поражённый таинственной Силой Герцога, свалился как подкошенный. Они быстро освободились от пут, и Хобля тут же схватил магический Омлет и, не колеблясь ни мгновения, съел его. Омлет действительно оказался магическим — в голове прояснилось (что значит вовремя закусить!), и Герцог повернулся к Хр'юше, доставая шпагу...

— Мальчики! Спасители мои! — раздался вдруг рёв, похожий на слоновий. Из коридора на большой скорости выбежала Грызельда, как оказалось, проданная Лениновичу покойным Ф'илей. Не рассчитав, она влипла в стену, но тут же повернулась к Хобле и Хр'юше, и направилась к ним с распростёртыми объятьями и блаженной улыбкой на широком лице.

Мгновенно забывшие о своих разногласиях, те выскочили из замка, вскочили на коней и понеслись по дороге со всей возможной быстротой.

— Теперь мы можем вместе искать твой заветный Рунный Кастет, — прокричал Хр'юша — После всего пережитого мы братья навеки!

Герцог недолго обдумывал слова новоявленного братца.

— Хорошо, брат Пятак, — ответил он. — Только не путайся под ногами, свинятина. — И они поскакали к новым приключениям.

Вэльд

Я ВСЁ ЕЩЁ ТАМ

Всем романтикам и мистикам посвящается...

Я всё ещё там, на равнинах Эллады,
Открытых мифическим древним ветрам.
Под стенами Трои, сметая преграды,
Сражаюсь и гибну на радость богам.

Я — скальд опустевших, заснеженных фиордов,
Срединного мира печальный пророк,
Что в песнях своих, нынче временем стёртых,
Посмел на беду возвестить Рагнарок.

Я всё ещё там, где морские просторы
Вскрывает бушприт моего корабля.
С судьбой как со штормом отчаянно спорю
И крика жду сверху: «Смотрите, земля!»

Я вновь покидаю руины Имрира
Под скорбное пенье вселенских валторн.
Ищу в отраженьях угасшего мира
Сияющий город мечты Танелорн.

Я там, где бушуют ветра и дороги
Зовут за собой. Терпко-кислую взвесь
Пророчеств глотаю и рвусь за пороги.
Я всё ещё там... Почему же я здесь?

Кирана

ПУСТЬ МЕНЯ ЗАБУДУТ

Окно выходит в сад. Я сижу на подоконнике и слежу за пичугой, что скачет по ветвям. Птичка-птичка, мне бы твои заботы...

А у меня заботы свои. Там, внизу, в главном зале моего дома сейчас собираются те, кого я пригласил: правители, военачальники, капитаны... Скоро соберутся все — по крайней мере, все, кто сочтёт нужным появиться: напригласил-то я кучу народа, но едва ли все они согласятся проделать путь длиной не в один день, чтобы услышать, что же такое я имею им сказать; остаётся лишь надеяться, что таковых окажется большинство. А пока я сижу на окне и думаю, что я буду им говорить. Четвёртый день уже над этим думаю. Потому что сказать надо многое. И не просто сказать, а так, чтобы меня услышали. На этот раз от моей речи зависит ни много ни мало — судьба мира.

Участь моя такая: спасать Вселенные, миры, ну в крайнем случае — просто человечество. Кто бы знал, как оно мне надоело... Хотя все, с кем я на эту тему общался, единодушно утверждают, что главный праздник у меня впереди — в смысле, в следующих воплощениях — и по сравнению с тем, что предстоит им, мою жизнь можно рассматривать как отдых на летней полянке. М-да... на воображение никогда не жаловался, оно у меня профессионально тренированное, но представить, как это — ЕЩЁ хуже — не получается.

Война... война у порога — банально звучит, но как ещё скажешь, если это так. Войны мне не в новость; я сражался сам и вёл за собой от-

ряды, я пролил немало крови — а вы как думали, с чего вдруг матерям вздумалось пугать моим именем непослушных детей? Хотя детей я как раз не убивал. Женщин — да, было... до сих пор простить себе не могу.

Прочь, посторонние мысли! Короче, войн я повидал немало, но эта... что-то в ней не то. Что-то не так.

Конечно, этих выскочек, восточных колдунов, давно пора было бы приструнить: очень уж они зарвались, эти Повелители Кричащих Статуй, Звенящих Чаш и Чего-То Там Ещё. Но тогда, поначалу, я не обращал внимания на разгоравшуюся войну: подумаешь, опять люди перегрызлись. Поглядывал на их возню свысока, уверенный, что в любом случае останусь в стороне. Раньше, пожалуй, я и сам бы отправился подраться... но это раньше, когда мне нечего было терять. Теперь есть что — и терять, и беречь.

А потом вдруг мне стукнуло взять карту и закрасить захваченные ими страны. И стало страшно. Штриховка покрыла четверть карты. Четверть! И приближалась к нам. Тогда стало окончательно ясно, что в стороне остаться — не судьба...

Я сел, свесив ноги за окно. Люблю так сидеть — ещё с детства. Когда я был мелким, мне за это сильно влетело от гувернёра, а потом от отца. Правда, тогда и в самом деле место было неподходящее: сорвись я с окна той башни — и с брусчатки меня соскребали бы долго... Старик гувернёр продолжал опекать меня после смерти отца, хотя я в то время был уже вполне взрослым. И погиб он за меня — можно сказать, я сам послал его на смерть...

Всё, хватит! Что-то сегодня левые мысли так и лезут в голову — с недосыпу, наверное. А думать надо о том, как я буду уговаривать эту разношёрстную компанию объединиться.

Их сокрушали поодиночке, используя слабости каждого: блокаду для одних, живущих торговлей, массированное вторжение — для других, с немногочисленным населением... Слепому ясно, что необходимо объединяться. Восточные страны и жители островов это уже поняли... но они слабы. Чтобы объединённая армия по-настоящему могла противостоять врагу, к коалиции должны присоединиться южане. Их сильные, хорошо вооружённые войска способны переломить ход войны, пока ещё не поздно. Но южане, скорее всего, предпочтут не объединяться для помощи другим, а отсидеться там, у себя, в надежде, что до них не доберутся — а если доберутся, то они смогут отбиться в одиночку. Так бы оно и было, если бы командирами у этих выскочек были идиоты — но в том-то и дело, что стратеги они превосходные. Да ещё и колдовство... Нет, мне их колдуны, конечно, и в подмётки не годятся — в конце концов, именно моему народу они пытаются подражать, а подражания всегда хуже оригинала. Я справлюсь с любым из них... но я-то — один! Тем более, что если южане отвергнут коалицию, тем самым они отвергнут и мою помощь.

А она потребуется. Сила Силу всегда почувствует, и в природе их магии я уже не сомневался. Сомневался, справлюсь ли я сам с ней... но то, что без меня точно не справятся — это без вариантов.

Увлёкшись, я не заметил, как начал рассуждать вслух. Хорошо, что я один! Впрочем, окажись здесь мои друзья, они бы не удивились:

они уже видели меня всякого. А жена... пожалуй, она тоже не удивилась бы. Догадалась же она разбудить меня как-то ночью, когда я во сне начал читать заклинание, чтобы отбиться от вторгнувшейся в мой кошмар твари. Ох, что было бы, дочитай я его до конца... Она принимает меня любым, моя маленькая жёнушка. Потому что любит. Настоящая любовь так редка в этом мире...

Подвиг уже то, что она остаётся со мной до утра — потому что я сплю ужасно, кричу во сне, даже друзья не всегда в состоянии это выносить. Я слишком много пережил, и если бы помнил всё, то сошёл бы с ума. Я научился забывать, но сны... они помнят. Они вновь и вновь возвращают меня к моим ошибкам, которые уже не исправить, заставляя вновь и вновь переживать свою вину, которую не смыть. В общем, жизнь, что называется, врагу не пожелаешь. Впрочем, врагу я как раз бы пожелал. Врагов у меня много, и прощать их я, наверное, так и не научусь...

Ну вот, опять мысли убрели в сторону. Похоже, сегодня у меня день встречи воспоминаний. Едва я успел вернуть их на место, как скрипнула дверь.

— Все собрались. Пора.

— Много пришло? — спрашиваю я, спрыгивая с подоконника.

— Не все, но больше, чем мы опасались, — мой друг улыбается. Он неисправимый оптимист, в отличие от меня — потому мы, наверное, так хорошо уживаемся.

— Идём.

Пока спускаемся по лестнице, я успеваю пригладить волосы и надеть маску непоколебимо-спокойной уверенности. Я далеко не так уве-

рен в успехе, как выражает теперь моё лицо... но к чему им видеть мои страхи?

Шум голосов в зале смолкает, когда я вхожу. Молчание, угрюмые лица. Мне кланяются, приветствуя. Я отвечаю сдержанным кивком. Оглядываю зал, оценивая обстановку. На миг останавливаюсь, встретив взгляд родича: в нём — молчаливая поддержка: «Я с тобой». Морские Лорды прибыли, как и обещали — их народ никогда не нарушает обещаний, если только смерть не вмешается. Несколько военачальников разгромленных армий Запада — от них ожидать разве что моральной поддержки, слишком незначительные силы у них уцелели... Восточные правители — из этой части света прибыли не все, но большая часть. Ну что же... они знают, на что я способен, знают не понаслышке и не по легендам, а, так сказать, вживую.

Южане... Сидят обособленной группой, с подозрением смотрят на остальных, на Морских Лордов — в первую очередь. Старые конфликты так просто не забываются, мне остаётся лишь надеяться, что разум и общая цель возобладают.

К стене напротив прибита карта — та самая, которую я закрашивал. Для пущей наглядности я заменил штриховку сплошной чёрной краской, и выглядело это устрашающе. Надеюсь, мой призыв спасти мир от сил тьмы подействует.

Пора начинать.

— Как вы уже знаете, господа, угроза Пан Танга и Дхариджора, похоже, не ограничивается Западным континентом, они жаждут большего. Хотя прошло только два месяца с момента их победы, они уже построили и оснастили огромный хорошо вооружённый флот.

Я сделал паузу и оглядел зал.

— Мы на Востоке, кажется, недооценили опасность их ближайших планов. Если сейчас мы не объединимся, у них будут большие шансы на успешное завоевание Южных морских областей, а затем — и городов Востока. Мы должны создать союз, который сможет противостоять их усилиям.

— Откуда вы знаете их планы?

Я глянул на говорившего. Лорд Хозел из Аргимилиара, самоуверенный, властный... и заядлый спорщик. Горделивое выражение его лица несколько портил нервный тик.

Он приехал сюда договариваться или спорить?

— Шпионы, беглецы, сверхъестественные источники — они все подтверждают это, — отвечаю я на его вопрос.

— Даже без этих сообщений мы можем быть уверены, что это так, — ворчливо встрял Карган Остроглазый. С этим Морским лордом я был давно и крепко дружен, но сейчас его вмешательство было неуместным. — Ягрин Лерн вполне может подыскать себе союзников среди южан. Там есть такие, кто готов стать на колени перед чужаками, только бы не потерять богатства или власть.

«Карган, не надо», — прошу я его взглядом. Хозел высокомерно улыбается.

— А тот, кто слишком подозрителен, готов сидеть сложа руки и опасаться других, пока не станет слишком поздно.

Карган сжал кулаки, словно готовясь кинуться в драку. Я поспешил вмешаться:

— Господа, господа. Самое худшее, что они могут сделать с нами — это поссорить нас. Хозел, примите мои уверения в том, что я говорю правду, и что моя информация точна.

В разговор вступил Монтан из Лормира — седоволосый, лицо не менее высокомерное, чем у Хозела.

— Вы на Севере и Востоке слабы. Мы, на Юге, сильны. Почему это мы должны предоставлять вам наши корабли для защиты вашего побережья? Не вижу логики. Тем более, всем известно, что с вами, сударь, сотрудничать небезопасно...

Я разозлился на Монтана: так сразу — и по больному месту! Я и так помню каждый случай, когда гибли те, кто пошёл со мной, и эта боль непреходяща. Но я придушил злость и ответил спокойно, насколько мог:

— Если мы будет то и дело возвращаться к прошлому, то ничего не добьёмся.

— Конечно. Кто не может забыть прошлое, не способен планировать будущее, — вмешался Карган. Опять из лучших побуждений — и опять не к месту.

— Вы, торговцы, никогда не берегли свои корабли и были слишком наивными, верили любым лестным басням. Вот почему вы теперь завидуете нашим богатствам, — лениво улыбаясь, произнёс Джернед из Филкхара.

Этого было довольно, чтобы Карган взорвался.

— Правильнее будет сказать — не слишком наивными, а слишком честными! Может быть, нам следовало пойти по стопам наших предков — вспомни, их набеги опустошали ваши берега, и вы боялись их! А мы стали вести оседлую жизнь, торговали, а вы... вы надували нас, наживались на наших трудах! Боги! Чтобы я поверил словам южанина!..

Я открыл было рот, чтобы вмешаться, но Хозел опередил меня:

— Скорее всего, Теократ всё-таки начнёт с Востока. Там нет сильных армий, восточные земли плохо защищены. К тому же их берега расположены ближе к побережьям завоевателей и, следовательно, более уязвимы. Зачем Теократу рисковать своими недавно объединёнными силами и атаковать защищённые Южные земли, до которых, к тому же, придётся добираться через море?

— Потому что его корабли будут защищены колдовством и, следовательно, море им не страшно, а расстояние не имеет значения, — я говорил отстранённо — никаких эмоций, просто излагал факты, хотя холодное бешенство уже кипело во мне. — Потому что Юг богаче и обеспечит его оружием, продовольствием...

— Кораблями и людьми! — выпалил Карган. Несмотря на дружбу, я начинал на него злиться: с такими друзьями и врагов не надо!

— Ах так! — Хозел уставился в упор на меня, потом на Каргана. Он явно тоже начал заводиться. — Вы думаете, что мы уже готовим измену?! Зачем тогда надо было собирать нас здесь?

— Я не говорил этого, — торопливо ответил я, почти умоляюще глядя на Каргана: «Ну помолчи ты хоть немного!» — Карган высказал свои мысли, а не мои. Успокойтесь, господа... мы должны объединиться — или же погибнем, потому что против нас стоит могучая армия, которой помогают сверхъестественные силы.

— Нет уж! — Хозел повернулся к другим правителям Юга. — Ваше мнение? Имеет ли смысл направить наши корабли и войска защищать их побережье так же, как наше?

— Они слишком неблагодарны и надменны, — проговорил Джернед. — Пусть Ягрин Лерн

растратит на них силы. Когда он обратится на Юг, он уже выдохнется, и мы легко справимся с ним.

Вот так. Думаете заслониться нами, да? Неужели не понимаете, что не выйдет, что это всё равно, что заслоняться зонтиком от шторма? Нас сметёт поодиночке. Глупцы, какие же они глупцы!

— Глупцы! — я не замечал, что думаю вслух, пока не увидел, каким взглядом на меня уставился Мунглум. Он явно понимал, что я уже теряю контроль над собой. — Или мы вместе, или нас разгромят поодиночке! За Теократом стоят Повелители Хаоса. Если его замыслы осуществятся — это будет не просто победа мелкого интригана. Весь человеческий род сейчас под угрозой!

Ну вот, выговорился. Ярость всколыхнула все мои силы, я чувствовал, как тёмная энергия кипит в моих жилах. Я готов был сейчас на что угодно — даже колдовством заставить их понять то, что я пытался им втолковать. Если бы ещё знать, как...

Хозел ухмыльнулся в ответ.

— Люди спасут себя сами, без помощи нечеловека. С какой стати, интересно, нелюдь так радеет за род человеческий? Ведь хорошо известно, что мелнибонэйцы — не совсем люди...

— Пусть так, — глубоко вдохнув, я опустил голову, посчитал до пяти, а потом снова выпрямился и уставился на Хозела особым, «колдовским» взглядом. Хочет нелюдя — он его получит.

Хозел аж шатнулся и побледнел. А я продолжал:

— Но я знаю больше, чем ты, Хозел. Я знаю, что люди Молодых Королевств — всего лишь первая проба богов, предшествующий появле-

нию настоящих людей, так же, как мы предшествовали вам. Но это — не главное. Я знаю, что если Ягрин Лерн и его союзники победят — то людям вообще не станет места в этом мире!

Хозел отвёл глаза и заговорил, его голос прерывался.

— Подобную чушь несут безумцы на базарах. Они считают себя пророками, они кричат о великих несчастьях и катастрофах, но их предсказания никогда не сбываются. И глаза их столь же безумны, как у тебя, правитель Мелнибонэ! Но мы ловим их и поджариваем на медленном огне, дюйм за дюймом, пока они не признают, что эти пророчества — ложь.

Он хотел добавить ещё что-то, но вместо этого развернулся и быстро вышел — почти выбежал — прочь из зала. Несколько мгновений остальные правители Юга нерешительно смотрели ему вслед. Я попытался поймать их колебания:

— Не подражайте ему, господа! Я клянусь жизнью, что мои слова — чистая правда!

Джернед проговорил негромко, как бы про себя:

— Это ничего не доказывает. Ходят слухи, что ты бессмертен...

Стоя за моим плечом, Мунглум тихо произнёс:

— Не старайся понапрасну. Они не с нами.

Я обвёл взглядом оставшихся. Не нашлось ни одного, кто не опустил бы глаз.

— Вы по-идиотски отвергли моё предложение о союзе. Я был оскорблён в собственном доме, были оскорблены мои друзья, и я проклинаю вас, самонадеянных болванов. Но настанет день... — а он настанет! — вы поймёте свою ошибку, и тогда, клянусь, мы придём на по-

мощь! Молитесь только, чтобы это не случилось слишком поздно. А сейчас — вон отсюда!

Стояла полная тишина, нарушаемая только шорохом одежд и звяканьем оружия, когда южане покидали зал.

Я опустился в кресло, сжав виски руками. Ярость схлынула, и я чувствовал себя донельзя вымотанным. Южные союзники были для нас потеряны, и у меня было ощущение, будто я пытаюсь удержать полную пригоршню муравьёв, которые расползаются в разные стороны.

Потом я вспомнил, что прочие-то остались. Остались мои друзья, которые не бросят, не предадут.

Я посмотрел на Каргана.

— Что ты решил, Морской Лорд?

— Мы с тобой, — просто ответил Карган. — Мой брат Смиорган всегда хорошо отзывался о тебе, и я предпочитаю верить его собственным словам, чем слухам, которые поползли после его смерти. Кроме того, — тут он широко ухмыльнулся, — мы обычно считаем: если эти южные хлюпики решили так — мы сделаем наоборот. Считай, Пурпурные Башни в союзе с тобой, и наши корабли — тоже. Их, конечно, меньше, чем у южан, но это прекрасные, хорошо подготовленные боевые корабли.

Оптимист, однако. У Пурпурных Башен вчетверо меньше кораблей, чем у южан.

— Должен сразу сказать, что без помощи Юга шансов у нас немного, — честно предупредил я его. Карган лишь отмахнулся.

— Думаю, с их вероломством и привычкой бесконечно спорить из-за любого пустяка они оказались бы для нас только обузой. Правда, неплохо было бы заручиться ещё и колдовской поддержкой...

— Будет, — ответил я. Этот вопрос был обдуман и обсчитан неоднократно, пока я не пришёл к наиболее эффективному варианту. — Завтра я отправлюсь на Остров Колдунов и там, среди отшельников, практикующих Белое искусство, попробую связаться с Повелителями Закона. До них сейчас трудно достучаться, поэтому я сам не справлюсь.

Я не стал говорить, что сейчас вообще мало гожусь для установления контактов с Высшими — неважно, Повелителями Хаоса или Порядка. Я и сам уже запутался, кому же служу: вроде бы клялся Хаосу — но действовал, как правило, не в его пользу. А в последнее время мне и Ариох не отзывается...

Карган кивнул.

— Должен признаться, мы, в Пурпурных Городах, не особенно в восторге от связи с тёмными силами...

— Да, разумеется, — я потёр лоб, — я могу тебя понять. Но сейчас наше положение настолько паршивое, что любая помощь будет кстати — неважно, от сил тьмы или света. Мой меч и его двойник — это ведь тоже порождения тёмных сил, но они были выкованы, чтобы положить конец власти Хаоса. Вот такая двойственность... Так что у нас нет сверхъестественных союзников, на которых мы могли бы положиться.

— Понятно, — хмыкнул Карган. Оргон же, его родственник, поинтересовался:

— Ты полностью доверяешь своему кузену?

Подняв голову, я посмотрел на Дайвима Слорма и улыбнулся — кажется, впервые за этот вечер.

— Мой самый верный союзник. Он знает об этом деле столько же, сколько и я. Мы вместе обсуждали эти планы.

— Хорошо. Мы поговорим с ним завтра. А теперь, если не увидим тебя до отплытия — удачи тебе на Острове Колдунов.

И они отправились спать.

Теперь, впервые за весь вечер, заговорил регент Вилмира: ясный, спокойный голос, чуть прищуренные глаза опытного политика.

— Мы уже посоветовались. Мы также знаем вас как опытных воинов и умных военачальников — Вилмир имел возможность убедиться в этом благодаря вашим... хм... подвигам в Бакшаане и в других местах. Думаю, мы не станем сводить старые счёты, — он обернулся к своим спутникам, и те согласно кивнули.

— Хорошо, — я тоже кивнул и повернулся к Ракхиру. — Мы уже не однажды сражались вместе против Хаоса. Будет ли с нами Танелорн и на этот раз?

— Будет, — утвердительно кивнул Красный Лучник. — Совсем недавно мы отразили угрозу с помощью Серых Лордов, но Хаос закрыл для них путь сюда. Мы можем предложить только свою воинскую верность.

— Благодарю. Воинская верность Танелорна — это уже немало, — я, кажется, даже немного повеселел.

Остальных спрашивать не было необходимости. Сенаторы Илмиоры и так на нашей стороне, беженцам с Запада просто некуда деваться...

С миру по нитке. Конечно, это всё-таки лучше, чем ничего... но всё равно, как же этого мало!

Они все столпились у карты, что висела на стене. Разглядывали мою штриховку. Я уставился в стол, обхватив руками голову. Острое чувство безнадёжности захлестнуло меня. Бессмысленное барахтанье, потуги обречённого мира... А время утекает, словно кровь сквозь пальцы — из слишком глубокой раны, которую не зажать рукой... Переживёт ли хоть кто-то из нас эту войну? Или всё сгинет в вихре хаоса, и даже памяти о нас не останется в будущих веках?

Чья-то рука легла на плечо, выдёргивая меня из мрачных мыслей. Мунглум, как всегда, заметил моё состояние.

— Сейчас только четверть, — сказал я ему, кивком указав на карту. — Но тьма расширяется.

— Мы остановим её, друг мой, — сказал Мунглум. Его всегдашняя улыбка смотрелась неестественно. Я выдавил из себя ответную улыбку — ничуть не более убедительную.

Потому что я знал: чем бы ни закончилась эта война — мне после неё места в мире не будет. Если победит Хаос — места не будет никому из нас, мир станет непригоден для жизни.

А если — всё-таки, вопреки всем вероятностям — победим мы... Ну и что? Мой народ уходит в прошлое — уже почти ушёл, и скоро останется только в легендах. Я родился и вырос в ином мире, где Хаос — нечто само собой разумеющееся, я говорил с богами на равных, я прошёл тропами, где царит немыслимый ужас и невероятная мудрость. Мне не будет места в мире, который родится после нашей победы — мир, где царит Закон, где нет богов и нет магии... мир, который люди выстроят по своему образу и подобию.

Мунглум снова вторгся в мои мысли:

— Мы отправимся завтра, но сегодня ты должен хоть немного побыть с Заринией. Кто знает, когда ещё выпадет случай...

Да, он был прав. Кто знает, увидимся ли мы вообще...

И вдруг мне подумалось: ну и пусть мир станет иным! Пусть даже мне не будет в нём места. Ведь жизнь всё равно продолжится. И в этом новом мире будут жить наши дети — мои и Заринии...

А значит — пусть. Пусть мы исчезнем, оставшись лишь в смутных легендах. Пусть никто из потомков не вспомнит, кем был спасён их мир. Пусть меня забудут — да и много ли в моей жизни было того, что достойно памяти потомков?

Пусть. Я сделаю, что должно — а что будет, потом посмотрим.

— Ты прав, — улыбнулся я Мунглуму. Поднялся и шагнул к двери.

ТАНЕЛОРН

Ночь незрима почти от края
До просторов, где явь есть сон;
Ливнем таинство звёзд вдыхая,
Башней в небо глядит Танелорн.

Вечный город обутый пеплом,
Неужели и здесь теракт?
Заносило попутным ветром
Эха взрывов надрывный такт;

В лужах небо темнело кровью,
Тесных улиц тоскливый плен.
«Что с тобою?» — с душевной болью
Глажу выщербы древних стен.

Не морщины — сырые шрамы
Иссекли вековой покой,
Пустотою зияют рамы
Витражей наших душ с тобой.

Иллет

ВЕЧНЫЙ ВОИТЕЛЬ

Вновь Олифант на битву зовёт,
Хей, воин, седлай коня.
Я в бою прославлю свой древний род,
А барды прославят меня.

Мне не изменит Нотунга сталь
В смуте кровавых бурь,
Верен хозяину Дюрандаль,
Ждёт сечи Эскалибур.

Я тот, кто рождён в безлунной ночи,
Закалён в драконьей крови.
Я тот, кто вскормлён молоком волчиц,
Я не знаю братской любви.

Я тот, кто свой потерял Авалон,
Кто ищет Иерусалим,
Я тот, кого вечный ждёт Танелорн,
Я тот, кого славит Рим.

Путь воина — смерть, так Рок начертал
Свой непреложный закон.
Каждому будет свой Ронсеваль,
У каждого — свой Ганелон.

Карканье ворона «Рагнарек!»
Хей, воин, седлай коня!
Когда я сердцем приму клинок —
Пусть Один примет меня.

И пусть содрогнутся троны богов
И грянет последний бой,

И солнце всплывёт в пелене облаков
Отрубленной головой,

И пусть в небо кровью харкнет закат
Из вспоротой глотки дня —
И пусть тогда протрубит Олифант
И вновь позовёт меня.

Вновь Олифант на битву зовёт,
Хей, воин, седлай коня.
Я в бою прославлю свой древний род,
А барды прославят меня.

Пляшет в руке Повелитель бурь,
Нарсил горит, как огонь,
Жаждет сечи Эскалибур,
Грейсвандир ласкает ладонь.

Пламя разрывов над головой,
Крепка лобовая броня...
Я Вечный Воитель с бензопилой,
Я герой грядущего дня.

Я Вечный Воитель с бензопилой —
Санитары, держите меня!

Лора Московская

ШПАГА ПЕЧАЛИ

Великий хаос! Как жизнь прекрасна!
Огненный танец лезвий искрящих...
Для тех, кто смертен, Она опасна,
И нет пощады толпе молящих.

Чего ты хочешь? Во что ты веришь?
Она подарит тебе созвездья...
Внутри сознанья крадутся звери,
Звёздные тени несут возмездье...

Это то, что является волей мечей,
Это дар по приказу твоих палачей,
Ведь они покорят себе волю богов,
И тебе будет сказано несколько слов...

Шёпот вкрадётся в самое сердце,
Проникнет в память, согреет душу,
Сдувая пыль приоткроет дверцу...
Твой тайный грех выявит наружу.

Теряя волю, читаешь руны,
Они пылают под лунным светом...
Шпага Печали ласкает руки,
Смеётся странным, чуть хриплым смехом.

Это близость с избранником вечных мечей,
Это танец манящих и острых лучей,
Обладание ими подобно мечте,
Так сожги своё небо в её пустоте!

В глазах открытых мелькают лица,
Картины битвы, кружат виденья,

Чужая память, воскресшей птицей
Тебя укутывает в наважденья...

Объятый страхом, горит твой город.
И буйством красок струится небо.
Меч, утоливший на время голод,
Зовёт в края, где ещё ты не был.

Это Право на смерть правдой чёрных мечей,
Это скрежет оков вместо звона ключей.
Многоцветье миров обжигает глаза...
Но отныне тебе не вернуться назад.

Тебя уносит в такие дали,
Где звездолёты ревут в пространстве...
Ты — продолженье клинка из стали,
Их рассекаешь в смертельном танце.

Чёрный меч жаждет продолжить пляску,
Людские души испить до капли.
Взамен за это получишь ласку
И вспышку силы — подарок сабли.

Это сказка носителям рунных мечей,
Это радость струится как бурный ручей.
Обретение чувства своей правоты...
Эту песню закончишь не ты!

Это танец манящий и острых лучей!
Это дар по приказу твоих палачей!
Это Право на смерть правдой чёрных мечей!
Это сказка носителям рунных мечей!

Грань Мелнибонэ

Из сборника «Грани Великого Кристалла»

* * *

Под неласковым солнцем чужого мира,
В дальнем свете снежных вершин
Берегам, что в тумане мелькают мимо,
Не оставлю своей души.

Пусть исчезнут они за кормой во мраке,
Как неясные миражи.
Эй, Улисс, не грусти о родной Итаке —
Ты вернёшься туда чужим.

Поседевший в неполных шестнадцать юнга
Смотрит вдаль, в голубой закат.
А вчера наше солнце взошло на юге
Сквозь зелёные облака.

Наш слепой капитан на корме высокой
С ветром, бьющимся в волосах,
Не мигая, глядит на чужое солнце,
Чутко вслушиваясь в пассат.

Что ты ищешь на судне с командой странной,
В смене сотен солнц и веков,
Ни к чему не привязанный вечный странник
С тайной болью на дне зрачков?

Пусть вернуться обратно дано немногим,
Он неблизок, последний час,
Даже если над нами смеются боги,
Горизонт не обманет нас.

ШАРИ

Полон болью взгляд,
Долог путь назад
До небес — от врат
Ада.
В бесконечный сон,
Да в траву лицом —
Падай.

Камешком в руке —
Сердце в кулаке.
Ну, а дальше — с кем?
Ветер...
Он, как ты, один,
Свил гнездо в груди.
«Где ты?»

И придёт в твой сон
Дальний плеск знамён,
Лязг мечей и стон
Боли.
За его конём
Кровью и огнём —
Воля.

Бесконечен бой.
Перед той судьбой —
Что твоя любовь?
Пепел.
А тебе была —
Словно два крыла
Светлых.

Что ж ты? Догони,
Позови, верни,
Горе обмани —
Где там!
Руки крепче сжать,
Но не удержать —
Ветер.

Памятью беды
На песке следы,
Волосы, как дым
Белый.
Что тебе крыла?
Ты лишь им жила.
Где он?

На весах — миры,
Боги не добры,
Пешкой их игры
Будешь.
Что им род людской,
Со своей тоской
Люди?

Жизнь — как не была,
Пёрышком с крыла
Счастье унесла
Буря.
Облачным крылом
Над его путём
Будешь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ГЕРОЮ

Ночь, дождь.
Сонно дышит лес,
И не видно света звёзд.
Спи.
Под звенящим серебром,
Опрокинутым с небес,
Поднимается трава
В полный рост.

Мир спит,
В равновесье вечных чаш
Стрелка дрогнула в тиши.
Спи,
Не ищи во сне меча,
Пусть и он поспит пока.
Смою кровь с его клинка
И с души.

Мир ждёт.
По дороге вновь
Завтра нам идти с тобой,
Спи.
Вечен путь и вечен бой.
Неужели нам покой
Обрести не суждено,
Мой герой?

Пусть явь
Не тревожит сны,
Что придут к тебе сейчас.
Спи.
Ты в пути уже века,
Даже боги спать должны.
Спи в объятьях тишины
Без меча.

Мартиэль

В ПОИСКАХ ТАНЕЛОРНА

Есть такое место во вселенной,
Где покой душе твоей обещан,
Только в этот край благословенный
Не ищи путей прямей и легче.

Лишь когда познаешь море скорби,
Сотворив попутно море крови,
Ты войдёшь в ворота Танелорна,
Чтоб забыться в призрачном покое.

Верный раб на страже Равновесья,
Чем тебя прельстил Закон иль Хаос?
Сам себе без робости доверься,
Коль к богам доверья не осталось.

Что нам боги? Разве эти боги
Разлучить с мечтою нас сумели?
Наши храмы — пыльные дороги,
Что для нас судьба коврами стелет.

В судьбы мира в силу обстоятельств
Рунной вязью жизнь твоя вплетётся.
Подвигов безумных и предательств
Сколько совершить тебе придётся!

Странный жребий — мир спасать от боли
И латать прорехи в Мирозданье.
Ты как будто чьей-то злою волей
Обречён на вечные скитанья.

Колдуны творят свои заклятья,
Но они ничто не в силах сделать.

Ты храним чудовищным проклятьем —
Не берут тебя ни яд, ни стрелы.

И опять твой меч, от крови шалый,
Бьёт, не разобрав, где друг, где недруг.
Только будет некому бокалы
Пить за эту пиррову победу.

А когда последней битвы эхо
Отгремит над мёртвыми мирами,
Содрогнётся грудь твоя от смеха
Над бессильем что-либо исправить.

Но деревья снова пустят корни
На земле, усеянной золою,
И покой желанный в Танелорне
Наконец, найдёт усталый Воин.

МУЛЬТИВЕРСИЯ

— Это, в конце концов, нечто, —
сказал он. — И если это иллюзия,
то она всё же успокаивает.
Майкл Муркок.

Эльрик стоял на высоком мостике большой золотистой боевой баржи, до предела заполненной воинами и снаряжением. Нести больше определённого веса баржа не могла, зато на «горячие клавиши» можно было «посадить» всё, что угодно — смену оружия, колдовство и даже питьё из бутылочек с магическим зельем, прибавлявшим до ста единиц здоровья.

Его чуть раскосые красные глаза смотрели озабоченно, двигаясь с каждым поворотом колёсика мыши и поочерёдно мигая с нажатием правой кнопки. Началась битва, и на него сразу напали трое варваров с изогнутыми саблями. Каждый противник не уступил бы и пластилиновому чудаку с топором из Neverhood. Эльрик схватил свою широкую двуручную шпагу — последнее достижение русификации, срубил одного и разнёс череп другому. К шестому уровню его удар достиг максимальной силы. Оставшемуся в живых варвару он плюнул в лицо боевой магией. Враг вспыхнул ярким огнём, поражая воображение умопомрачительной графикой.

— Вам следовало оставить нас в покое, — услышал Эльрик собственный голос.

Говорил он довольно сносно — при генерации этого персонажа несколько баллов было вложено в параметры интеллекта.

— Умри, белолицый демон! — вскричал в ответ капитан вражеского корабля. — Нет тебе больше места в оперативной памяти! Повелители Хаоса, которым ты служишь, скоро пройдут все уровни до последнего. И дополнительных модулей не скачают.

— Это им не Diablo 2 гонять! — мрачно усмехнулся Эльрик. — Здесь они и за тысячи лет до второго десятка уровней не доберутся. Эх, не видать в этой жизни мне дополнительных баллов, как тебе — собственных ушей.

Шпага тем временем свистнула дважды, и капитан не дождался окончания фразы.

— Ась? Не слышу! — искренне возмутился он. — Это западло, белолицый. Мы едва начали наш базар, а ты уже всё опошлил. Чтоб тебе очередного апгрейда не пережить!

— Знаешь, меня с раннего детства преследует парочка-другая проклятий подобного рода, — спокойно заметил Эльрик, сосредотачиваясь на процедуре трепанации черепа.

Когда мёртвое тело упало лицом вниз на палубу, он дважды ударил шпагой по шее трупа, пока голова не отделилась от тела. Отделившись, повисла в воздухе и начала медленно таять. Эльрик вдруг понял, чего не хватает этому бесконечно древнему миру. Как минимум третьего «пня» и GeForce3.

*

Рунные Шпаги «Шпага Печали» и «Повелительница Бурь» слетели с того места, на котором провисели так долго. Плавные, отточенные движения дерущихся, удары, лязги и взвизги... Ариох повернул колёсико, любуясь сражением. Глаза его метались из стороны в сторону, паль-

цы непроизвольно дёргались. Из-под левой кнопки посыпались искры и повалил густой дым.

И тогда Эльрик ощутил, как огромный свежий поток энергии разливается по всему телу. Он ударил Йиркана по руке со шпагой, разрезал одежду, кожу, мышцы, затронул кость. Кровь так и плескала, оставляя тёмно-красные пятна во весь экран монитора.

Ариох восхищённо представил себе, что будет, когда его персонаж доберётся до бензопилы.

*

— Итак, всё, — пробормотал Мунглум. — Всё исчезло. Эльхиор, место моего рождения, Каарлаак и Плачущая Пустыня, Бакшаар. Даже Город Мечты, Мельнибонэ.

— Карту мира опять обновляют. Для этого специальный редактор встроен. А я уже не могу трубить в Рог — звуковая плата накрылась.

Эльрик бесшумно вздохнул.

— Мунглум, ты был мне единственным другом. Единственным, кому я доверял трогать добытые сундуки, даже если к ним сам подходил.

— Что ещё тебе оставалось? Я всё равно на команды с клавиатуры не реагирую.

— Мог бутылки со снадобьем и не выпивать залпом. Нет бы про запас отложить. И как всё это влезало в тебя, недомерка?

— Кто бы говорил! Мышь-переросток. Белая.

— Чубайс недоделанный!

— Убийца женщин и совратитель грудных детей!

Клинок выскочил и пронзил сердце Мунглума. Окаменев, Эльрик долго не мог выдернуть

шпагу из груди друга. Это опять тормозила навороченная до безобразия графика. Энергия Мунглума потекла и стала насыщать тело Эльрика, добавляя новые баллы и бонусы.

Наконец Эльрик отшвырнул клинок от себя. И вдруг ему показалось, что шпага зашевелилась, направилась было к нему неспешной походкой вразвалочку, но замерла. «Глючит, зараза!», — решил он сперва.

Клинок покинул поверхность земли, взмыл в воздух и полетел прямо в Эльрика. «Какие же они всё-таки чайники, эти новые боги Закона! — успел подумать он — Не умеют магическим оружием управлять — вот и тыкают указателем мыши, куда ни попадя. Клинку ведь до фени, кого порубить в капусту».

Громадный контур стал проясняться над опустевшей Землёй. Это была надпись: «GAME OVER».

Наралотэ Феарамдэ

ЭЛРИК ИЗ МЕЛНИБОНЭ

Развевает вольный дикий ветер
Твои пряди, белые, как снег.
Ты теперь один на целом свете,
Нет спасения, и прощенья нет.

Ты летишь на чёрных крыльях Рока,
И горит огнём твой гордый взгляд.
Как твой лорд, свободный и жестокий,
Ты не знаешь на пути преград.

Вечный воин — вечно одинокий,
Для тебя дороги нет назад.

Нэлла

ОГНЁМ И МЕЧОМ

Боли до края, да силы не стало терпеть.
Шёл по земле, не жалея, с огнём и мечом.
Ворон чёрный под небом кружил —
Он укажет дорогу крылом.

Нет больше дома отрёкшемуся от любви,
Нет больше дома уставшему побеждать...
А где-то далеко горели огни —
Но падшему нету дороги назад.

Ветер глотал, как вино, и со смертью на «ты»,
Волком пустынным стенал под луной среди скал,
Утро встречал с темнотою в глазах,
Шёл и упал — больше не было сил.

Алым окрасила небо заря...
Ворон чёрный под небом кружил...
Шёл, не жалея, с огнём и мечом...
Шёл и упал — больше не было сил...

Татьяна Погодина

БАЛЛАДА О ТАНЕЛОРНЕ

1

Мне опять не уснуть. Сигарета, ещё сигарета...
Опечаленный дождь по асфальту рисует круги.
Он — талантливый график,
закончит работу к рассвету,
А пока — темнота, шёпот струй
и не видно ни зги.
Как Ты там? Что с Тобой?
Может, дома, склонившись над книжкой,
Или где-то с друзьями
проводишь бессонную ночь?
Я боюсь за тебя, очень взрослый,
бедовый мальчишка,
Потому что Тебе
вряд ли кто-нибудь сможет помочь.
Прочитав эти строки,
наверное, Ты усмехнёшься,
Мы ж с Тобой провели в разговорах
от силы два дня.
Но когда в Танелорн
Ты однажды случайно вернёшься,
Не забудь расспросить,
может, там не забыли меня?
Он у каждого свой,
но у нас с Тобой — общий, я знаю,
И припрятан до срока
Твой в битвах иззубренный меч,
Не ржавеет от бед и ненастий
кольчуга стальная,
Алый призрачный плащ
ниспадает с расправленных плеч.

Знаешь — это судьба,
что мы снова узнали друг друга,
То, что время на нас на обоих замкнуло виток.
И я знаю, что там,
за границей дождливого круга,
На окне на Твоём не мигая горит огонёк.

2

Я уйду по дождю.
Так мне легче найти этот Город,
Где хрустальные крыши
и синий в полоску закат.
Я грозы не боюсь, застегну только наглухо ворот,
Чтоб на мой медальон
не упал подозрительный взгляд.
Я закрою глаза и опять его в дымке представлю,
В нежно-пепельной дымке
Твоих дорогих сигарет.
Островерхие крыши
и настежь раскрытые ставни...
Сколько лет он мне снится,
тоскою повыжженных лет.
Среди пёстрой толпы
я Тебя отличу по улыбке, —
Лишь она и глаза неизменны остались в веках.
Остальные приметы менялись, неверны и зыбки,
Как количество перстней
на крепких и сильных руках.
Может статься и так,
что узнать Ты меня не захочешь,
Добровольно отринув былые свои имена.
И тогда я напомню шесть слов,
Ты узнаешь свой почерк,
Покажу медальон, и моя мне простится вина.
А вина моя в том, что я часто его предавала,

Этот Город,
что мне сквозь века и дороги светил,
И, упав на колени, беззвучно и горько рыдала
Над одной из Твоих
мне в то время известных могил.
Было трудно поверить, что Ты и воистину вечен,
На плиту на Твою приносившей живые цветы.
Но случались, бывали
прекрасные странные встречи,
Когда в ком-то другом
очень смутно мне чудился Ты.
Я рвалась к ним душой,
к этим всё понимающим людям,
Отстранённым немного
от дрязг и от будничных тем,
Каждый раз понимая
в туманном сплетении судеб, —
Этот Город — он есть,
он не может пропасть насовсем.
Я стремилась туда, но найти его было непросто,
Только лишь под дождём
долетал тонкий звон хрусталя.
Путь в него был известен
лишь снам да предутренним звёздам,
Но их быстро гасила идущая следом заря.
Новый день приходил,
лишь на миг принося облегченье,
И тускнел медальон,
тот, что Ты подарил, на груди.
Я металась к окну:
«Где же дождь, что пойдёт во спасенье?»
Наконец он пошёл,
тихим плеском шепча мне: «Иди!»
Я услышала зов, я услышала звон и рванулась.
Только в Городе этом могла я Тебя отыскать.

Отыскать для того,
чтобы тихо сказать: «Я вернулась»,
Пряча слёзы волненья.
И, если позволишь, обнять.
Будет кровь на ногах,
буду долго искать этот Город,
Повторять его имя в коротком ночном забытьи,
Будет всё, — и покой,
тот, что некогда был мне так дорог,
Променять я готова на смутные дни и бои.
Я нашла этот Город, устало присела на камень,
Здесь оставшийся с древних,
давно позабытых времён, —
Это был постамент бога Кулла
с разящими злыми руками, —
И рванула свой ворот,
который скрывал медальон.
В три полоски закат засиял удивительно ярко,
От него медальон
приобрёл алый призрачный свет.
Я закрыла глаза,
зачарована странным подарком,
В этом Городе он заменял колдовской амулет.
Я бродила сама не своя в ожидании встречи,
Слыша, как вырывается сердце из тесной груди.
Я смотрела на Город, который воистину вечен…
Если б знала тогда,
что меня будет ждать впереди!
Ты стоял на косе,
повернувшись к штормящему морю,
Ни плаща и ни лат, —
безрукавка и сломанный меч.
Грохотали валы, предаваясь безумству и горю,
И закат был как отблеск
погребальных, безрадостных свеч.

Прошлой ночью был бой.
Вы наутро друзей хоронили,
По законам своим запалив погребальный костёр,
Ты остался один, когда трубы отбой протрубили,
На испачканном кровью лице
ветер слёзы не стёр.
Я метнулась к Тебе,
мне хотелось с Тобою быть рядом,
Победитель, герой, мне утешить бы душу твою,
Но Ты смерил меня
компромисса незнающим взглядом,
Будто я на Тебя стародавнюю злобу таю.
Если б Ты так любил,
как умеешь сейчас ненавидеть!
Под дождём долетал с крыш тревожный,
чуть слышимый звон.
Ты подался вперёд —
как могла я такое предвидеть! —
И в мгновение ока сорвал с меня мой медальон.
«Он не нужен тебе, — Ты сказал. —
Я прошёл через битвы,
Погубил свою душу и стал совершенно другим.
Я не знаю любви
и не верю в стихи и молитвы, —
Только сила и кровь,
только боя пронзительный гимн!
Знай же, мой медальон
принесёт тебе только лишь горе,
Я — кочевник и варвар,
навеки презревший покой.
Так зачем он тебе?!» —
и в от гнева ревущее море
Ты швырнул медальон
от меча огрубевшей рукой.
Я заплачу потом. Разрыдаюсь неистово, глухо,
Вспоминая слова, с уст летевшие словно свинец,

То, как ты попрощался,
намеренно резко и сухо, —
Ты же знал,
что за этим настанет печальный конец.
Сгинув в мрачных волнах,
медальон потерял свою силу,
Город таял во мгле,
для меня в него путь был закрыт.
Содрогнувшись в душе,
я невольно глаза опустила
Перед самой жестокой из мне нанесённых обид.
Всё казалось мне сном,
купола оплывали, как свечи,
Тихий звон хрусталя
заглушал своим стоном прибой,
Небо стало седым,
Город, что был и воистину вечен,
Навсегда распростился
с его приютившей землёй.
Где-то в дальних мирах
засверкают хрустальные крыши,
Он появится там, Ты в нём будешь,
а я — уже нет.
Лишь во сне, когда дождь,
может быть, звон хрустальный услышу
И увижу его в сизой дымке Твоих сигарет.
Пусть боль режет виски
и от сердца уже не отступит,
Вновь напомнит о том,
как теперь от меня Ты далёк.
Мне достаточно знать,
что в том мире, что мне недоступен,
На окне на Твоём не мигая горит огонёк.

Тилльберт Джоли Линкс

СУЩЕСТВО ЗАШЕВЕЛИЛОСЬ...

Существо зашевелилось. Оно услышало своё имя. Оно даже не знало, что это его имя, но оно ответило на зов, потому что знало, если оно ответит, его ждёт пища.

— Вулюлюлюлюлюлюк!

Существо зашевелилось. Оно обязано было зашевелиться, повинуясь древнему договору, который оно заключило с Императорами-колдунами Мелнибонэ десять тысяч лет назад.

— Вулюлюлюлюлюлюк! Призываю тебя, Повелитель мышей!

Вулюлюлюлюлюлюк!
Ты вонючий, пук-пук-пук!
Но тебя зовёт твой сын.
Есть еда, мой Господин!
Ты вонючий, половой!
Разберись с этой едой!

Голос Элрика стал похожим на мышиный писк. Поднятый на вытянутых руках Бурезов пел свою тихую дьявольскую песню. Солдаты с ужасом наблюдали за альбиносом. Мунглум, хоть и хорошо усвоил эти штучки, но всё равно дрожал мелкой колючей дрожью.

— Вулюлюлюлюлюлюк!

Существо зашевелилось в третий раз. Оно слышало заклинание. Оно не понимало слов, лишь странный ритм прорезал пространство — время, достигая его слуха. Открылся один чёрный глаз, затем второй. Повелитель мышей зевнул, вытянув вперёд свои розовые, покрытые жёсткими волосами лапы. Быстро забегали в

воздухе многочисленные металлические усы. Вулюлюлюлюлюлюк чувствовал запах пищи. Он питался плотью, но больше всего его привлекали души.

— Вулюлюлюлюлюлюк!

Существо зашевелилось ещё раз и переместилось в мир Элрика.

Солдаты вскрикнули от ужаса. Воздух пропитался запахом жжёного капрона (так воняет мышиный помёт). Огромная мышь спучеглазилась, вопросительно уставилась на Элрика.

— Вот твоя еда! — пропищал Элрик на мышином языке, указывая на сбившихся в кучку солдат.

Вулюлюлюлюлюлюк прыгнул на своих когтистых лапах прямо в эту кучу. Солдаты не успели разбежаться. Повелитель мышей схватил одного и, зажав его тело руками, начал отгрызать ему голову. Брызнула кровь. Похоже, перед тем, как умереть, солдат осознал, какая ему уготована участь. Вулюлюлюлюлюлюк выбросил остатки человека, схватил ещё одного, проделав то же самое, он приподнялся на задних лапах. Огромный металлический хвост впился в небо, прямой, как струна. Под хвостом торчало что-то большое и волосатое. Из этого самого органа брызнула жёлтая вонючая струя прямо на разбегающихся солдат Телеба К'аарны. Послышались дикие вопли, солдаты погибали под струями ядовитой жидкости, а души их доставались Повелителю мышей. Вулюлюлюлюлюлюк уселся на землю, жалобно запищал — воздух этого мира причинял ему боль. Он собрал свои лапы и поднёс их к слюнявой пасти, быстро задвигал ими, облизывая длинным красным языком. Затем быстрыми движениями вылизал свою шкуру, а особенно тщательно тот самый орган. Пик-

нув пару раз, Вулюлюлюлюлюлюк улыбнулся двумя жёлтыми острыми, как бритва, зубами — и исчез.

Все солдаты Телеба К'аарны были уничтожены.

* * *

Телеб К'аарна был взбешён, в ярости он щипал ногу Йишаны, пока та не пнула его так, что он улетел с кровати. Да, он был могущественный колдун, но неумелый любовник.

— Мне скучно! — сказала Йишана, закутываясь в шёлковое покрывало. — Вот если бы Элрик был здесь...

— Ничего, он скоро будет здесь, — прорычал злой колдун, поднимаясь с пола и собирая своё достоинство. — В виде главного блюда на нашем свадебном столе!

Трисс Силинес

ДЖЕРИ-А-КОНЕЛЬ

Сферы. Миры. Измерения.
Через пространство и время.
Нет ни мгновенья забвения—
Лишь неизбывное бремя.

Лишь череда бесконечная
Ликов, путей и имён.
Жизнь — путешествие вечное
Средь океана времён.

Тысячи реинкарнаций,
Память — обрывки судеб.
Сколько цивилизаций
Жили, боролись и — нет.

Циник печального образа,
Где ты, когда ты и с кем?
Звук ироничного голоса...
Боги! О, был бы ты нем.

Вечный поборник с возлюбленной.
Ты рядом с ними. Один.
Сколько тобою погублено?
Сколькими был ты любим?

Ты заявляешь с ухмылкою:
«Нет во вселенной любви».
Глупые, нежные, пылкие —
Все исчезают вдали.

Что ж, пусть пространство — иллюзия,
Время — случайная мысль.

Кони, доспехи, оружие,
Боги, волшебники, Жизнь —

Пусть всё навеки утрачено —
Я благодарна судьбе:
Знаю, что я Предназначена,
Знаю, что только — тебе.

Эльрик Садрикович Мельнибонийский

ЭТИ ГЛАЗА НАПРОТИВ...

Из Сказаний синих тролльназгулов
и красных гномохоббитов

Чёрный конь грохотал копытами по Дороге. Как она его выдерживала — неизвестно. Раньше назгулов она на себя не пускала. Ну что ж, теперь другие времена. Тридцать девятый назгул Бостар мчался за помощью в Мельнибонэ. Хокмун отказался, Эрикозе не нашли — искал свою Эрмижад, Корум приподнял повязку на глазу, и назгул еле смылся. Остался только Эльрик.

Мельнибонийцы разбегались с дороги Чёрного Всадника. Вдруг на его пути встал воин, бледный, как сама смерть, с громадным двуручным мечом, с изображением Великой Лестницы возле эфеса.

— Что надобно тебе, демон, на нашем острове?

— Тебя, принц, именно тебя. Не хо...

Не успел назгул договорить, как воздух перед ним заколебался, и оттуда высунулось два глаза с четырьмя зрачками в форме песочных часов в каждом.

— Какого Моргота! — воскликнул назгул. — Великий Орлангур!

Из разверзшейся в земле каверны вылезло бесформенное существо в чёрном клобуке, с семью глазами.

— Я великий Нингобль Семиглазый, и у меня глаз больше!

Здоровое, как бревно из забора, копьё насквозь пробило фигуру в клобуке. Из облаков, громко матерясь, выпрыгнула одноглазая фигура с двумя воронами на плечах.

— Я Один, — крикнула фигура. — У меня один глаз, но мой шворц больше ваших шворцев вместе взятых!

На площади перед башней разразилась невиданная доселе магическая битва, подобной которой не было ни в Невоне, ни в Средиземье, ни в Асгарде. Вокруг них не было ни одного мельнибонийца, кроме Эльрика, который полез разнимать дерущихся. Назгул смотрел на незаходящее уже восемнадцать часов багровое солнце.

— Если Солнце долго не заходит — значит, это Глаз, — подумал Бостар.

— А ты, тридцать девятый, не дурак! — прозвучал мощный голос с небес.

— О Властелин! А почему Вы не вмешиваетесь?

— Жду, пока устанут. Вот если бы они так дрались против Мрака!

На Востоке замаячили какие-то силуэты, летящие к битве. По мере приближения можно было разглядеть молодого человека в зеркальных очках и с телом небесного цвета. И рядом, в облаке тьмы, на чёрном кубе — два красных глаза. В это время помирившиеся с помощью Эльрика бойцы травили расхожие анекдоты о смерти Абадонны, о Горлуме, о Кольце и о том, как Святой Сульпиций посрамил Дьявола.

Когда Орлангур уже заканчивал рассказывать занятную историю про гибель Абадонны, молодой человек небесного цвета опустился рядом с ними и уже собирался снять свои очки, как Орлангур, оглянувшись и увидев его, быстро козырнулся по Карте прямо в Бездну, а может, и к своему брату Демогоргону.

— Что вы тут про меня говорили? — осведомился Абадонна.

— Ничего-ничего, Ваша Мрачность! — отозвались все хором.

— Ну всё, ребята, мне пора в Асгард, выгонять молодых богов, — поспешно сказал Один, вытащил из обмякшего тела Нингобля своё копьё и исчез.

— Эй, ты куда? Ну ладно, мне пора в пещеру, слушать сплетни, — сказал очнувшийся Нингобль и тоже исчез.

— Я тут, понимаете, хотел драку посмотреть, а вы... Тьфу! — возмутился Чёрный, и куб, на котором он сидел, растворился в воздухе.

Эльрика не было уже давно.

— Вот так всегда! — раздался голос Саурона, — Как между собой — так пожалуйста, а как против более сильного — так пас. Глазастики хреновы!

Абадонна исчез последним, напоследок обведя здания горящим взглядом, отчего те мгновенно обратились в пыль.

Юрий Ломов

ETERNAL CHAMPION

Я иду в Танелорн, убивая богов по дороге,
Я иду в Танелорн, ибо выбора, в сущности, нет.
Я лишь пешка в игре,
что когда-то затеяли боги —
На пути в Танелорн
мне придётся не раз умереть.
Я ищу Танелорн.
Под ногами хрустят чьи-то судьбы.
Я ищу Танелорн, убивая врагов и друзей,
Я когда-то узнал
то, что время несётся по кругу —
Как порвать этот круг,
что прочнее железных цепей?
Я иду в Танелорн
сквозь бессчётные вёсны и зимы,
Я иду в Танелорн,
чтобы снять там проклятья печать.
И на долгом пути
не один раз терял я любимых —
На пути в Танелорн
мне придётся любовь потерять.
Я ищу Танелорн, и в своём бесконечном походе
Я не раз в нём бывал,
но не тот был иль мир, или век.
Где покой обрету я, ведь силы уже на исходе?
На пути в Танелорн
равно стоят и святость, и грех.
Я иду в Танелорн, я в борьбе напрягаю все силы,
Я ищу Танелорн, — я уверен, что это не сон, —
Там друзей я смогу
снова к жизни вернуть из могилы
И любовь обрету... Я ищу! Я иду в Танелорн!

Юрий Ломов

* * *

Как приглашение на плаху,
Врывается в твою судьбу
Зов Справедливости и Страха,
Ведущих вечную борьбу.

И как же быть тогда Герою,
Что древней силой заклеймён,
Коль не найти нигде покоя,
И лгут и Хаос, и Закон?

И память не даёт ответа,
Но сила демона в Мече
Приносит горькие победы.
В кровавом отблеске свечей

Тебе не обрести забвенья,
Не избежать кошмарных снов,
Холодный пот при пробужденье…
А рока приговор суров:

С врагами непрерывно биться
В пыли бесчисленных веков
И, если не отыщешь смысла —
Восстать. Сорвать игру богов…

Юрий Мелисов

ВЕЧНЫЙ ВОИТЕЛЬ

Из метал-оперы «Эльфийская Рукопись»

Дракон:

В глазах пылает алый свет,
В них злобный разум сотен лет.
Страх рвёт на части,
Огонь как ластик
Мир сотрёт,
Где герой? Пусть скорей идёт!

Дезмонд:

Он уже лежит на земле —
Гаснет свет в его глазах,
Но меня Дракон не жалел,
Я сгорел в его огнях!
Пусть ушла беда,
Сбылась мечта,
Но в сердце пустота
Не исчезнет никогда!

Ирдис:

Твоё призвание — герой,
А Рунный меч хозяин твой.
Твой искуситель,
Вечный Воитель —
Раб судьбы,
Жертва чуждой тебе борьбы!

Дезмонд:

Он уже лежит на земле…

Дезмонд:

Промчится времени поток,
Размыв твой подвиг, как песок.
Твой дом разрушен,
И ты не нужен
Никому.
Спи и жди новую войну!
Он уже лежит на земле…

СОДЕРЖАНИЕ

Black Queen. Эльрику 3
Last Dragon. Баллада о Гейноре Обречённом 4
Алый Лучник. Бык и копьё 6
Алый Лучник. Времена Махакальпы 7
Алый Лучник. Гейнор удалой 8
Алый Лучник. Новорождённые младенцы ничего не смыслят в мировых проблемах 9
Алый Лучник. Песнь Кулла 11
Алый Лучник. Песнь о Буревестнике 12
Алый Лучник. Солдат Танелорна 14
Алый Лучник. Танелорн 15
Алый Лучник. Танелорн должен быть... 18
Ангэлен. Скарсоул 20
Вадим Румянцев. Песня Героя, или Чёрная Хроника Деградации 21
Василиск. Рунный кастет 24
Вэльд. Я всё ещё там 30
Кирана. Пусть меня забудут 31
Летящий во Тьме. Танелорн 46
Иллет. Вечный Воитель 47
Лора Московская. Шпага Печали 49
Лориэль. ***Грань Мелнибонэ:***
Под неласковым солнцем чужого мира...51
Шари 52
Колыбельная Герою 54
Мартиэль. В поисках Танелорна 55
Морадита. Мультиверсия 57
Наралотэ Феарамдэ. Элрик из Мелнибонэ 61
Нэлла. Огнём и мечом 62
Татьяна Погодина. Баллада о Танелорне 63
Тилльберт Джоли Линкс. Существо зашевелилось... 69
Трисс Силинес. Джери-а-Конель 72

Эльрик Садрикович Мельнибонийский.
Эти глаза напротив... 74
Юрий Ломов. Eternal Champion 77
Юрий Ломов. Как приглашение на плаху... 78
Юрий Мелисов. Вечный Воитель 78

При оформлении обложки
использовалась работа Мефиса
«Вечный Воитель с бензопилой»
(компьютерная графика)